

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ НЕНЦЕВ ЯМАЛА В 20–30-е гг. XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.»), проект № 12-31-01236.

Поднимается проблема прироста кочевых народов Севера в 20–30-е гг. XX в. в связи с высказанным мнением, что сложные бытовые условия обуславливают для них низкий естественный прирост по сравнению с оседлыми этническими группами. Демографические тенденции рассматриваются на примере тундровых и лесных ненцев, проживающих на территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа. А именно анализируются изменение их численности, распределение по полу и возрасту, количество детей в семьях, естественное движение, этнические и миграционные процессы.

Ключевые слова: ненцы; Ямал; этнодемография; народы Севера.

Рассматриваемый период интересен для исследователей в связи с проблемой прироста коренных народов Сибири, поднятой еще в дореволюционной литературе. Если в конце XIX – начале XX в. они характеризовались как нежизнеспособные и находящиеся на грани вымирания или «медленного угасания» [1. С. 141; 2. С. 166; 3. С. 104–108], то в первой четверти XX в. увеличение их численности заставило некоторых авторов прийти к выводу, что данный вопрос был надуман сибирскими областниками «с целью обратить внимание правительства на туземцев» [4. С. 25]. В отношении кочевых народов сложилось мнение, что сложные бытовые условия обуславливают для них низкий естественный прирост по сравнению с оседлыми [5. С. 48]. Соответствующие показатели были рассчитаны в конце 1920-х гг. для ненцев РСФСР и кочевого населения крупных географических районов.

В статье на материалах 1920–1930-х гг. рассматриваются демографические характеристики тундровых и лесных ненцев, проживающих на территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа, для выявления демографических тенденций и факторов, влиявших на их численность в это время. В 1924–1930 гг. данная территория относилась к Обдорскому и частично Сургутскому (бассейн р. Пяку-Пур) районам Тобольского округа Уральской области. Демографические данные

(численность, распределение по полу и возрасту, количество детей и др.) получены из материалов Всесоюзных переписей 1926 г. (включая данные Приполярной переписи 1926–1927 гг.) и 1939 г., отчетов Ямальского окружного управления статистики, дополненных первичными источниками. К последним относятся похозяйственные бланки и карточки северостроительных экспедиций: Ямальской (1932–1933), Надымской (1933–1934) и Тазовско-Пуровской (1934–1935).

Материалы переписей демонстрируют увеличение общей численности ненцев Ямала за 13 лет более чем в 1,5 раза. В 1926 г. ненцы, проживающие на территории Обдорского района, насчитывали 7 994 чел. [6. С. 104], а в 1939 г. – в границах Ямало-Ненецкого национального округа – 13 454 чел. [7. Л. 39]. При этом цифры внутри этого периода свидетельствуют, что значительный прирост приходится только на вторую половину 1930-х гг. Общее число ненцев в первой половине 1930-х гг. не превышало 9 000 чел. (встречаются сведения о 8 685, 8 853 чел.) вместе с лесной группой, включенной в состав обдорских самоедов после присоединения к Обдорскому району верховьев р. Пур в ходе организации Ямальского (Ненецкого) национального округа [8. Л. 135; 9. С. 7]. Значительное увеличение численности ненцев во второй половине 1930-х гг. наблюдается в Ямальском, Тазовском и Надымском районах (рис. 1).

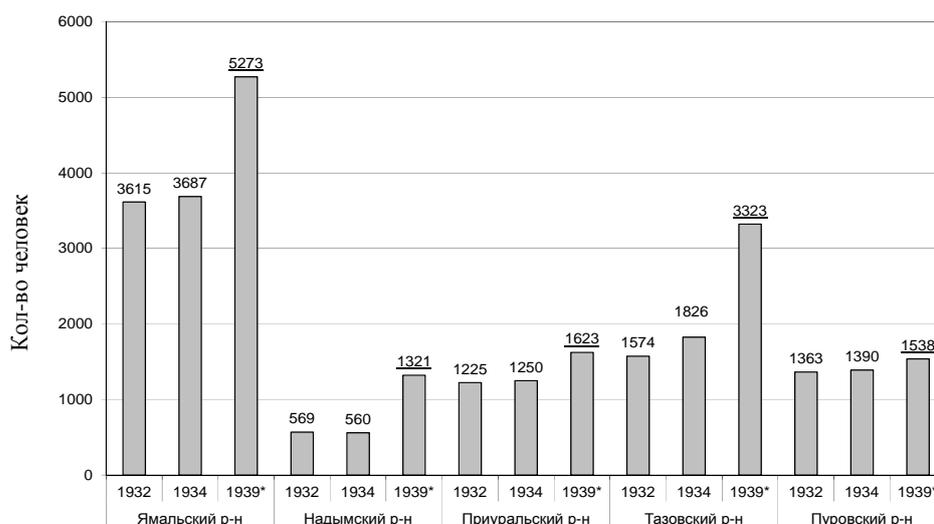

Рис. 1. Динамика численности ненцев Ямало-Ненецкого национального округа по районам проживания в 1930-е гг. (*Всесоюзная перепись 1939 г.)

Необходимо обратить внимание на то, что при проведении переписей в 1926 и 1939 гг. переписчики использовали разные этнические категории. С образованием Ямальского (Ненецкого) национального округа все этнические группы, названия которых включали слово «самоед», официально стали именоваться «ненцами», что должно было отразиться на их численности уже в начале 1930-х гг. В результате остяко-самоедов, самоедо-зырян, лесных ненцев и юраков, которые в 1926 г. учитывались отдельно, включили в состав ненцев. Согласно инструкции к переписи 1939 г., ненцами считалось все население, записанное в переписных листах как *ненэця, ненэць, хасово, самоеды, самоди, самоеды-юраки, юраки, яраны, пяхасово*, лесные ненцы [10. С. 126].

Процентное соотношение различных самодийских групп в составе кочевых ненцев по географическим районам, выделенным в ходе Приполярной переписи 1926 г., показано на рис. 2. Результаты расчетов свидетельствуют, что более или менее однородным было население полуострова Ямал, включавшего только 8,4% остяко-самоедов. Самоедо-зырянский компонент оказался наибольшим в составе ненцев, кочевавших в районе северной оконечности восточной стороны Уральского хребта (территория современного Приуральского района). Остяко-самоеды являлись частью самодийскоязычного населения всех территорий. Однако большинство их концентрировалось на Песках и Гыданско-Тазовском подрайоне. Более того, этнографический состав самоедов этих двух географических районов оказался самым сложным, включая, кроме остяко-самоедов, лесных самоедов, самоедо-зырян и юраков. Впоследствии пески Пуйковского рыболовного района стали частью Ямальского, пески Хэнского рыболовного района – Надымского, пески Обдорского рыболовного района – Приуральского административных районов. В состав Гыданско-Тазовского подрайона в 1926 г. входили территории современных Надымского (бассейн р. Надым, Тазовский полуостров), Пуровского (низовья и среднее течение р. Пур) и Тазовского (низовья р. Таз, Гыданский полуостров) районов.

Б.О. Долгих на основании анализа фамильно-родовой принадлежности считал, что собственно ненецкие тундровые роды (фратрии Харючи и Вануйто) в этнографическом составе всех сибирских ненцев в 1926 г. насчитывают только 59,8%, хантыйского происхождения – 12,7%, энецкого – 8,1%, лесных ненцев – 9,6%, европейских – 7%, еще 2,8% – неизвестного происхождения [11. С. 85]. Расчеты, выполненные по данным об этнической принадлежности кочевников Обдорского района в 1926 г., показали, что в самоедской языковой группе собственно самоеды насчитывали 81,1% (7 376 чел.), остальные 18,9% (1 395 чел.) приходились на лесных самоедов (0,2%), юраков (2,6%), остяко-самоедов (16,1%) [12. С. 164–165]. В 1926 г. 342 самоедо-зырян (другое название *яраны*) включили в зырянскую группу [12. С. 64–165]. Лесные ненцы, учтенные в 1926 г. в составе Сургутского района, насчитывали 1 066 чел. [12. С. XLVI]. Сложив вместе указанные группы, мы получим общую численность ненцев 8 784 чел., которая ненамного отличается от данных первой половины 1930-х гг. и не дает окон-

чательного объяснения столь значительного абсолютного прироста за 5 лет (более 4 600 чел.).

В этой ситуации необходимо охарактеризовать естественное движение ненцев в рассматриваемый период. Кочевой образ жизни и традиционные ненецкие представления не способствовали ведению регулярных записей о рождении и смерти. Впервые такие сведения были получены в ходе Приполярной переписи и характеризуют демографические процессы у обдорских ненцев прежде всего в конце 1920-х гг. Соответствующая информация практически полностью отсутствует для первой половины XX в. в актах гражданского состояния. Следуя методическим рекомендациям П.Е. Терлецкого, расчеты общих демографических коэффициентов выполнены на основании средних абсолютных показателей, полученных за два года (с 01.10.1924 по 30.09.1926 г.). Полученные показатели подтверждают его вывод о том, что народы с высокой степенью оседлости имеют высокий естественный прирост. Исключением из правила стали зыряне, чей естественный прирост оказался ниже, чем у остальных групп, а доля кочевников среди них насчитывала 25,7% [13. Л. 85]. Обдорские самоеды, на 96,4% состоявшие из кочевников, характеризуются относительно низкими коэффициентами рождаемости (41,9‰), смертности (14,5‰), в том числе детской, по сравнению с остальными народами, а по уровню естественного прироста (27,5‰) занимают третье место после русских и остяков. При этом они единственные имели отрицательный прирост среди оседлого и полuosедлого населения и наивысший положительный прирост среди кочевников. Однако если сравнить полученные коэффициенты с динамикой численности в межпереписный период 1926–1939 гг., оказывается, что ненцы получили наибольший абсолютный прирост по сравнению с хантами и коми [7. Л. 39; 12. С. XXXIV].

Тем не менее количество зафиксированных рождений и смертей среди ненцев считается заниженным [5. С. 46; 14. С. 32]. Приводимые доводы в пользу составления актов гражданского состояния, в частности о том, что сведения о количестве смертей необходимы для оказания своевременной медицинской помощи кочевому населению в тундре, оказывались безрезультатными. В 1920–1930-х гг. ненцы категорично отказывались регистрировать рождение, смерть и брак [15. С. 128, 144, 153]. Отказ учитывать умерших объяснялся религиозными мотивами. До сих пор считается тяжелым оскорблением назвать имя умершего в присутствии живых родственников [16. С. 154].

О характере демографических процессов позволяют судить половозрастные структуры населения, зафиксированные на определенный момент времени. Величина полосок, соответствующих пятилетним возрастным группам от 0 до 14 лет, более или менее свободным от влияния возрастной аккумуляции, характеризует рождаемость и детскую смертность в годы, предшествующие получению данных. В пользу того, что в первой половине 1920-х гг. рождаемость была выше, чем в предыдущие годы, свидетельствует половозрастная структура, построенная по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. (рис. 3). Наиболее ярко демонстрирует поколения родившихся в 1920–1930-х гг. половозрастная

структура, составленная по данным Всесоюзной переписи 1959 г. (рис. 4). В результате доля детей в возрасте до 14 лет выросла с 36,9 в 1926 г. до 40,3% в 1939 г. (расчитано по: [6. С. 104; 7. Л. 29]). Пропорциональное соотношение детей, трудоспособного населения и стариков в 1926 г. выглядело как 36,9; 54 и 8,6% (доля людей,

не указавших возраст, – 0,5%), а в 1939 г. – 40,3; 50,9; 8,8%. Свидетельствуя об относительно высокой рождаемости, данные одновременно обнаруживают низкую продолжительность жизни среди ненцев, сводя на нет положительную тенденцию увеличения их численности, заложенную в молодых возрастных группах.

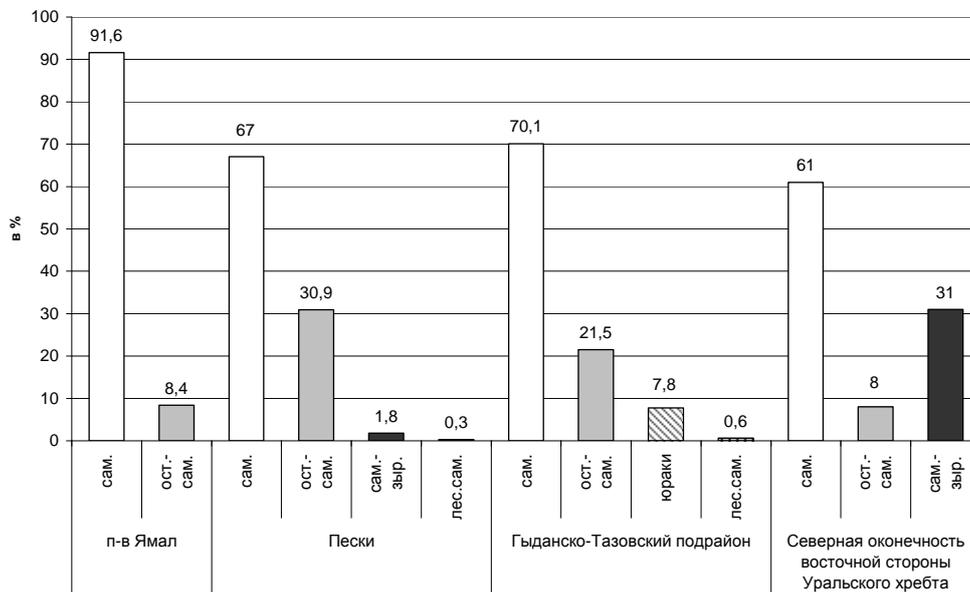

Рис. 2. Доля самодийских групп в составе ненцев по географическим районам по данным Приполярной переписи 1926 г. (сам. – самоеды; ост.-сам. – остяко-самоеды; сам.-зыр. – самоедо-зыряне; лес. сам. – лесные самоеды)

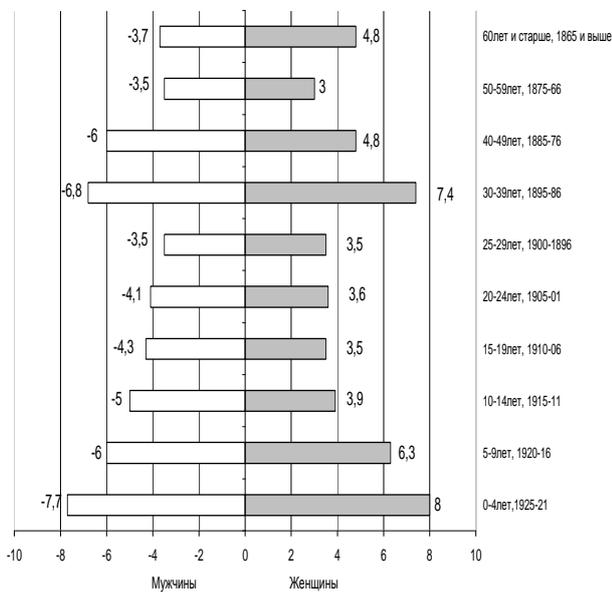

Рис. 3. Распределение самоедов Обдорского района по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., % от общей численности мужчин и женщин

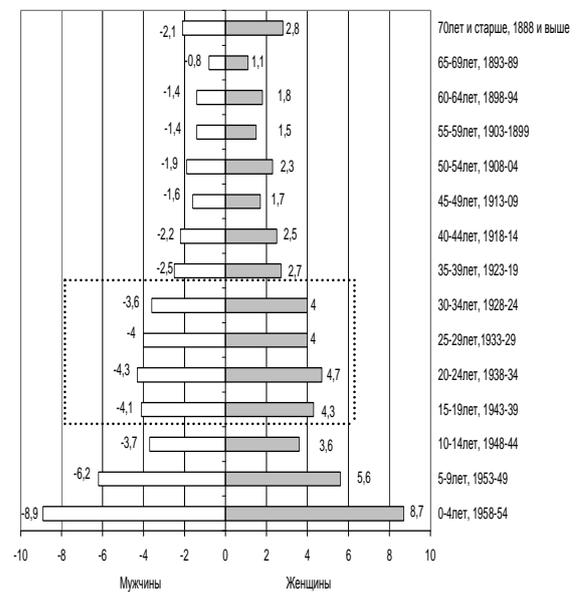

Рис. 4. Распределение ненцев Ямало-Ненецкого национального округа по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. (наличное население)

Согласно этнографическим данным, большинство ненецких семей были малодетными из-за высокой детской смертности [17. С. 188; 18. Л. 30]. Данное положение подтверждается материалами статистики. Семьи, имевшие одного и двух детей, насчитывали у тазовских ненцев 46, лесных – 40, ямальских – 38 и

надымских – 37% [19. С. 125–126]. При этом доля многодетных (5 и более детей) оказалась наибольшей в надымской группе, составив 12,8, а наименьшей в лесной – 9,2%. Похозяйственные карточки и посемейно-хозяйственные бланки показали большинство бездетных хозяйств среди тазовских (19,4%), а меньшин-

ство – у лесных ненцев (13,8%). В 1930-х гг. высокая доля детей выявлена в хозяйствах с большим количеством человек за счет сложного состава семей и полигамных браков, повторного брака мужчины после смерти первой жены. Так, на одну нуклеарную семью приходилось в среднем 2,8 детей у ямальских ненцев, 2,5 – у лесных, тогда как в сложных семьях, объединявших более двух супружеских пар, соответственно 3,2 и 3,7 детей [Там же]. В демографии для обеспечения простого воспроизводства населения необходимо, чтобы каждая семья имела в среднем примерно 2,6 ребенка, а среднедетных (3–4 ребенка) и многодетных семей было не менее 51% от всех семей [20. С. 191–192]. Полученные нами показатели свидетельствуют только о простом воспроизводстве поколений у ненцев, обеспечивавшем незначительный прирост населения в благоприятные годы (отсутствие эпидемий, голодовок, военных действий и т.д.). Все это не позволяет отводить ведущую роль естественному приросту в обеспечении высокого абсолютного прироста ненцев Ямало-Ненецкого округа в рассматриваемый период.

О влиянии миграционного фактора на численность ненцев указывает различие в данных между постоянным и наличным населением, представленных соответственно в похозяйственной и демографической переписях в 1926 г. Похозяйственная перепись показала число

самоедов меньше, чем демографическая, – соответственно 7 462 чел. (в 1 385 самоедских хозяйствах) [12. С. XXXIV] и 7 994 чел. [6. С. 292]. При этом в первом случае все члены семьи относились к национальности ее главы, а во втором – учитывалась национальность каждого отдельно. Полученная разница (532 чел.) указывает на невысокую степень их метисации, а также на незначительное число временно пребывающих из других районов.

Таким образом, проанализировав все факторы (естественное движение, этнические и миграционные процессы), можно утверждать, что, по крайней мере, более половины абсолютного прироста ненцев в межпереписной период 1926–1939 гг. является результатом уточнения их численности, благодаря тщательной организации переписных работ, учитывавших опыт предыдущих лет, создание к этому времени сети стационарных поселений. Характер естественного движения свидетельствовал о стабильно положительной демографической ситуации, хотя и обеспечивавшей незначительный прирост. Вместе с тем динамика численности показывает, что несмотря на сложный период в истории ненцев, связанный с различными нововведениями и мероприятиями советской власти (коллективизация, раскулачивание, организация новых советов и факторий и т.д.), они не оказали отрицательного влияния на демографические процессы в их среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М. : Либерия, 1995. Т. 1 : Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. 376 с.
2. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб. : Тип. имп. Акад. наук, 1911. 210 с.
3. Яоринцев Н.М. Сочинения. Т. 1 : Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 480 с.
4. Плотников М. О приросте некоторых северных сибирских туземных племен // Северная Азия. 1925. Кн. 4. С. 9–27.
5. Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/1927 гг.) // Труды научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. ½. Л. : Коминтерн, 1932. 65 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4 : Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1928. 430 с.
7. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 316.
8. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2.
9. Отчет Ямальского (Ненецкого) Национального Окружкома Исполнительного комитета советов о работе за 1931–1934 гг. Салехард : Изд-во Облсполкома, 1935. 63 с.
10. Этнокогнитология. Вып. 1 : Подходы к изучению этнической идентификации. М. : Российский НИИ культурного и природного наследия, 1994. 158 с.
11. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М. : Наука, 1970. 270 с.
12. Список населенных пунктов Уральской области. Т. 12 : Тобольский округ. Свердловск : Изд-во Орготдела Уралоблсполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. XLVI. 232 с.
13. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184.
14. Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области: По данным разработки Всесоюзной переписи 1926 г. и материалов естественного движения населения. Свердловск : Изд. Урал. обл. стат. отд., 1929. 104 с.
15. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) : сб. документов. Тюмень : Тюмень, 1994. 321 с.
16. Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.
17. Хомич Л.В. Ненцы. СПб. : Русский двор, 1995. 336 с.
18. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78.
19. Волжанина Е.А. Демография сибирских ненцев в первой трети XX в. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. № 1. С. 118–128.
20. Медков В.М. Демография : учеб. М. : ИНФРА-М, 2004. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2013 г.